О РУССКИХЪ ЛЮДЯХЪ.

РАЗСКАЗЪ ВТОРОЙ

С. МАКСИМОВА.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 января 1865 года.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», у Круглаго рынка, № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О РУССКИХЪ ЛЮДЯХЪ.

Старымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ людямъ ради памяти.

Слишкомъ шестьдесятъ различныхъ народовъ населяютъ громадныя пространства Русской Земли и образуютъ огромное Русское государство. Каждый народъ носитъ свое прозвище: стало быть имѣетъ какія нибудь и въ чемъ нибудь отмѣны, по которымъ можно и должно отличать его отъ другихъ народовъ, получившихъ свои прозванія также по тѣмъ особенностямъ, какія имъ принадлежатъ.

Со временемъ мы разскажемъ о каждомъ народѣ въ отдѣльности и опишемъ всѣ ихъ отличія въ подробности. Теперь остановимся на тѣхъ чертахъ, которыя одинаковы. если не для всѣхъ, то для многихъ. Такъ, напримѣръ, одни похожи другъ на друга обличьемъ, съ виду два народа кажутся двумя родными братьями-близнецами: съ какой стороны ни подходи, съ какой ни заглядывай. У другихъ одинакова рѣчь и два незнакомца, съѣхавшись изъ-за нѣсколькихъ тысячъ верстъ и заговоривши каждый на своемъ языкѣ, понимаютъ другъ друга. Третьи не схожи между собою ни рѣчью, ни обличьемъ, но

похожи другъ на друга въ домашномъ быту и обычаяхъ. Четвертые кажется во всемъ одинаковы, но по разному вѣруютъ, по разному Богу молятся. Пятые совсѣмъ похожи одинъ на другой и когда-то, во времена незапамятныя, составляли одинъ народъ, но время раздѣлило, а обстоятельства разбили ихъ на разныя племена или поколѣнія. Оттого и принято всѣми распознавать и различать всѣхъ народовъ по языку, по рѣчи ихъ, по вѣроисновѣданіямъ или потому, какъ они въ Бога вѣруютъ, по племенамъ или поколѣніямъ, то есть по тому, отъ какого народа произошли они, — и по образу жизни, или по тому: бродятъ ли они съ мѣста на мѣсто, или — временемъ сидятъ на одномъ, временемъ скитаются, или же — совсѣмъ сѣли на одномъ мѣстѣ, стали, что называется, осѣдлыми.

—

Большая часть народовъ, населяющихъ Россію, осѣдлые: выстроивши постоянныя жилища (домà и избы), живутъ деревнями, селами, городами; главною заботою кладутъ наживу недвижимой и движимой собственности: земель, имуществъ, строеній; пріобрѣтая свое, въ то же время уважаютъ и чужое; грабежъ и воровство называютъ преступленіемъ и провинившагося сильно преслѣдуютъ и строго наказываютъ. Каждый изъ живущихъ осѣдло, обогрѣвая належенное мѣсто, любитъ его какъ свое родное пепелище, называетъ родиной, родимымъ мѣстомъ, всѣми силами держится за него и покидаетъ только тогда, когда станетъ жить невозможно. Неохотно и со слезами оставляетъ онъ насиженное

мѣсто и идетъ на новое только тогда, когда это новое не въ примѣръ лучше стараго и притомъ такое, на которомъ можетъ осѣдлый человѣкъ сѣсть на вѣки и завѣщать его своимъ внукамъ и правнукамъ съ тѣмъ же наказомъ никогда не покидать роднаго мѣста. Осѣдлые народы больше всего и охотнѣе прочаго занимаются земледѣліемъ, выдумали промыслы, завели торговлю, выучились ремесламъ: стали образованными, сдѣлались хозяевами и властелинами всѣхъ тѣхъ народовъ, которые не ведутъ точно такой же осѣдлой жизни. Таково русское племя, которое покорило себѣ всѣ остальные шестьдесятъ племенъ народовъ кочевыхъ и бродячихъ.

А между тѣмъ едва ли есть на свѣтѣ другое государство, гдѣ было бы больше нашего тѣхъ народовъ, которые ведутъ жизнь кочевую и бродячую. Только съ западной стороны примыкаетъ Россія къ такимъ государствамъ, гдѣ народъ ведетъ издавна осѣдлую жизнь и издавна образованъ. Со всѣхъ другихъ сторонъ русскій народъ живетъ въ сосѣдствѣ и окруженнымъ народами, которые живутъ еще также точно, какъ жили первые люди вскорѣ послѣ всемірнаго потопа, какъ жили и русскіе люди, но такъ давно, что людская память и удержать не въ силахъ.

—

Съ полуночной стороны у русскихъ людей такъ называемой Великой Россіи или Великороссіи по обширнымъ, безплоднымъ, мокрымъ и холоднымъ тундрамъ бродятъ съ мѣсто на мѣсто Лопари и Самоѣды; у русскихъ людей въ Сибири—Остяки, Во-

гулы, воинственные Чукчи, Юкагиры, Коряки, Камчадалы, Курильцы, Алеуты, Кадьякцы и воинственные Колюжи. Съ полуденной стороны у сибиряковъ по степнымъ, пустыннымъ, травянымъ мѣстамъ кочуютъ Гиляки, Гольды, Тунгусы, Орочоны, Ламуты, Буряты, Монголы, Киргизы. Тѣ же Киргизы въ сосѣдствѣ съ Калмыками, Башкирами и Туркменами, кочуютъ съ восточной и полуденной сторонъ Великой Россіи и Малой Россіи вмѣстѣ съ Мещеряками, Тептерями, Ногайцами и другими. Якуты кочуютъ по сибирской рѣкѣ Ленѣ, Телеуты въ сибирской губерніи Томской.

—

У бродячихъ народовъ, какими почитаются всѣ живущіе въ полуночную или сѣверную сторону отъ русскаго племени, нѣтъ постояннаго мѣста для жительства. Жилища ихъ—шалаши (чумы, вѣжи и юрты), которые приспособлены такъ, что ихъ можно легко собрать и поставить, и еще легче разобрать и перенести на другое мѣсто. Выборъ мѣста зависитъ не отъ нихъ, а отъ оленей, отъ которыхъ они получаютъ пищу и одежду. Не съѣденъ мохъ—Лопари и Самоѣды стоятъ на одномъ мѣстѣ; вытоптали олени тундру до-черна и нѣтъ на ней для нихъ пищи—Лопари и Самоѣды бредутъ на другое мѣсто. Точно также и сибирскіе дикари, сегодня сидятъ на рѣкѣ, потому что въ рѣку эту идетъ на это время рыба; завтра они пойдутъ къ морю, потому что только тамъ будетъ попадаться рыба, только туда станетъ ходить она. А уйдетъ рыба въ глубь моря,—дикари (какъ Остяки, Чукчи, Юкагиры и другіе) по задума-

ются сѣсть и на озерѣ, и уйти въ лѣсъ за ходячимъ пушнымъ звѣремъ. Ни по чемъ имъ, если бѣлка, соболь или лисица уведутъ ихъ па нѣсколько сотенъ верстъ отъ прежияго стаиовища: срубовъ они не клали, къ чистой избѣ ие привыкли, къ теплой печи ие пріучены. Сгніетъ или размечутъ вѣтры старый шалашъ по косточкѣ, ио суставчикамъ, — ни Остякъ, ни Юкагиръ объ этомъ ие потужатъ: трудъ они вмѣняютъ себѣ ни во что, собственности ие понимаютъ и если не крадутъ чужаго, то ие дорожатъ и своимъ; стяжаній эти иароды не зиаютъ, о пріобрѣтеніяхъ почти ие думаютъ. Сытъ сегодня — вотъ и все, а завтра, какъ птица иебесиая, и голодный просидитъ, и не потужитъ. И вынесетъ голодъ его привычный желудокъ втрое легче, чѣмъ выноситъ его русской желудокъ. Упромыслилъ дикарь этотъ пушнаго звѣря: оиъ песказаипо счастливъ и почитаетъ себя богачемъ; придетъ Русскій, дастъ ему свинцу и пороху: дикарь повыхъ звѣрей иабьетъ; дастъ соли — оиъ рыбу охотнѣе и больше иоѣстъ. Русскій на простотѣ дикаря наживается крѣпко, дикарь счастливъ уже и тѣмъ, что съ голоду ие пухиетъ, а съ солью и отъ костоломной болѣзни цынги не совсѣмъ загниваетъ. Жизнь у сѣвернаго дикаря идетъ сумрачно и тяжело, но по привычкѣ онъ этого не только не замѣчаетъ, но и такую скотскую жизнь считаетъ большимъ для себя счастіемъ. Лѣсъ подъ руками — ему и жилище не мудрепо сладить; рѣка подъ бокомъ — ему и пищу не мудрено добыть, а не хватитъ рыбы — онъ и песцовое мясо поѣдаетъ въ сласть, тухлятипой и мертвечиной не гнушается. Въ деревянныхъ и камен-

ныхъ боговъ дикарь вѣритъ и дѣлаетъ ихъ самъ для себя, но все больше злыхъ, а не добрыхъ. Не воръ онъ и не грабитель, и нѣтъ у него на эти грѣхи соблазновъ, а потому не сдѣлано н иовадки. Не желаетъ онъ лучшей воли, оттого что таковой не видывалъ, и понятія объ ней не составилъ. Исиовадился онъ на скитанье и иолюбилъ бродяжью жизнь до того, что отнимите у него изъ нодъ ногъ мокрую и холодную тундру, изъ-нодъ рукъ море н рѣки: дикарь погибнетъ на вѣки и слѣда но себѣ не оставитъ и люди черезъ это ничего не нотеряютъ и пожалѣютъ объ немъ только Русскіе.

—

Въ полуденной сторонѣ отъ русскаго народа и часто о бокъ съ нимъ, у такъ называемыхъ кочевыхъ народовъ, — иочти то же самое: немножко попрочнѣе ладятъ свои жилища дикари эти, какъ Монголы, Буряты, Киргизы и Калмыки, но жилище ихъ также разборное; вмѣсто береста выкрывается оно войлокомъ или кошмами: вотъ и все. Если тѣхъ водятъ по холоднымъ иустынямъ олени, рыба и лѣсной пушной звѣрь, то этихъ по жаркимъ пустынямъ водятъ лошади и овцы, и тоже исканіе пищи для себя и для животиыхъ. Разиица великая между этими народами состоитъ только въ томъ, что бродячіе отличаются добрыми и кроткими нравами, смиренствомъ своимъ они иохожи иа кроткихъ оленей и незлобивую, беззащитную рыбу. Между кочевыми задались чистые разбойники и вѣчные, неугомонные грабители. Грабежъ и разбой для нихъ наслажденіе; воровство — народная добродѣтель; а на

баранту или на охоту за чужими табунами лошадей или овецъ, они выходятъ цѣлымъ племенемъ. Грабежъ этотъ съ неизбывными убійствами и разбоями, почитается большимъ торжествомъ и великимъ праздникомъ. Живя на безплодной почвѣ, они принуждены жить чужимъ добромъ. Уподобляясь дикимъ звѣрямъ, рыскающимъ въ сосѣдствѣ съ ними: гіенамъ, тиграмъ и барсамъ, они, съ примѣра ихъ, выжидаютъ въ засадахъ проѣзжіе караваны съ товарами, прохожіе табуны съ пастухами, налетаютъ на нихъ со звѣриной быстротой, и со звѣрной же кровожадностью и алчностью не оставляютъ ни лоскутка, ни клочка шерсти, ни косточки. Киргизы грабятъ Бухарцовъ, Коканцовъ; Коканцы грабятъ Киргизъ, Бухарцевъ и нашихъ уральскихъ казаковъ. Пригоняя табуны на новое мѣсто и находя на немъ другое племя и даже своихъ единоплеменниковъ: все равно,—соперники вступаютъ въ бой и сильный остается съ табунами на сочной солонцоватой травѣ; побѣжденный бредетъ искать другаго мѣста на степномъ привольѣ и по безбрежной пустынѣ. Границъ не положено; объ нихъ не имѣютъ понятія, и смирные кочевые народы, какъ кошка съ собакой, всегда во враждѣ, какъ Киргизы съ Туркменами на восточномъ берегу нашего Каспійскаго моря. И всегда живутъ дикари грабежами и воровствомъ: Туркмены воруютъ Персовъ живьемъ, чтобы имѣть дешовыхъ работниковъ на добычахъ рыбы, соли и горнаго масла (нефти), Хивинцы воруютъ и Туркменъ, и Русскихъ, и Киргизъ, безъ разбора. Сибирскіе Буряты воруютъ всякій скарбъ и всякую рвань, и не во-

руютъ людей потому только, что русскія власти строго смотрятъ за этимъ и дѣламъ такимъ давно уже не мирволятъ. Якуты, живущіе по великой сибирской рѣкѣ Ленѣ и ея притокамъ, воровства также не считаютъ грѣхомъ и воруютъ почти всѣ поголовно до страсти и безъ удержу. Переколѣй у народовъ этихъ ихъ вѣрные и неизмѣнные друзья, — собаки; пройди моровая язва по табунамъ овецъ и лошадей, и положи ихъ до послѣдней головы и хвоста, — ни тѣ, ни другіе кочевые народы не могутъ сказать, чѣмъ они будутъ жить завтра. Да и будутъ ли жить они?

—

На высокихъ горахъ Кавказа живутъ народы, для которыхъ набѣгъ и грабежъ также родъ промысла и въ немъ находили они средства для жизни. Отличаясь воинственнымъ духомъ, но живя осѣдло, народы эти мало занимались земледѣліемъ, но любили скотоводство. Таковы: и Лезгины, и Кабардинцы, и Чеченцы, Абадзехи, Убыхи, которыхъ Русскіе привыкли называть общимъ именемъ Черкесовъ. Были они опасные сосѣди для Россіи, владѣли роскошными землями, изъ которыхъ ничего путнаго не сдѣлали: теперь, и именно въ нынѣшномъ году, они въ конецъ покорены нами. Воинственный Кавказъ совершенно замиренъ. Многіе народы на немъ и за нимъ давно уже живутъ осѣдло и мирно, какъ Грузины, Гурійцы, Мингрельцы, Сванеты и Осетины; теперь и наѣздниковъ ожидаетъ та же самая благая участь.

Пока пособляютъ степи, да травы, да житье сообща, племенами, кочеванье народовъ этихъ еще

можетъ продлиться, пока не пробьетъ урочный часъ перемѣны съ худшаго и невѣрнаго на хорошее и вѣрное. Благо свое и счастье заполучаютъ люди только тогда, когда начнутъ жизнь осѣдлую, сядутъ плотно на мѣстѣ, займутся земледѣліемъ, бросятъ грабежи и житье на авось. Впрочемъ, нѣкоторые народы уже и образумились, и достигли того, не вдругъ и разомъ, а исподоволь. Они сначала стали полуосѣдлыми. Большую часть времени полуосѣдлые народы проводятъ на одномъ мѣстѣ и строятъ на немъ постоянныя жилища: или бревенчатыя избы или глиняныя мазанки, смотря на примѣръ Русскихъ и глядя на то: въ степи ли живутъ они, или на окрайнахъ лѣсовъ. Полуосѣдлые охотно и кочуютъ, когда видятъ къ тому поводъ, а поводъ этотъ они находятъ въ любимомъ прадѣдовскомъ занятіи — скотоводствѣ. Земледѣліемъ они занимаются, но лѣниво и неохотно; въ деревняхъ и городахъ селятся мало и дѣлаютъ то отъ неволи, по принужденію, или по примѣру Русскихъ. Русскіе, заявивши для себя среди такихъ народовъ нѣкоторыя степныя земли, уменьшили такимъ образомъ мѣста для кочевья, подчинили себѣ и самихъ кочевниковъ. Большая часть ихъ обязалась казачьей службой и полуосѣдлые народы начинаютъ вести мирную жизнь. Такая судьба постигла въ степяхъ за Волгой Башкиръ, Мещеряковъ и Тептярей.

—

Всѣхъ кочующихъ и бродячихъ народовъ называютъ еще пастушескими или пастухами, по той главной причинѣ, что промыселъ скотоводства для нихъ

единое средство къ пропитанію и существованію. Они и живущи до тѣхъ только поръ, пока не отстаютъ отъ этихъ занятій; они и бродятъ потому, что къ тому приневоливаютъ и пріурочиваютъ эти самыя занятія. Но лишь только займется народъ обработкой земли, онъ тотчасъ же принужденъ построить постоянное жилище; но стоитъ ему полюбить покрѣпче земледѣліе — онъ станетъ осѣдлымъ, или выучится ремеслу, или промыслу, чтобы начать жить большими и людными деревнями. Такъ и поступила большая часть дикихъ народовъ или — какъ привыкли называть — инородцевъ: и тѣ, которые въ незапамятныя времена заняли мѣста еще далеко до прихода въ сосѣдство ихъ Русскихъ (какъ Корелы, или Чудь, чудскія племена) и тѣ инородцы, которые пришли послѣ нашихъ прадѣдовъ, какъ Татары или народы монгольскаго племени. Татары сѣли плотнѣе и прочнѣе всѣхъ; они выстроили даже свои города, большіе и каменные. Были у нихъ города и въ дальную старину, какъ Казань, Бахчисарай, Болгары и Астрахань. Живутъ они и теперь въ прочныхъ слободахъ почти во всякомъ городѣ по Волгѣ, за Волгой и за Уральскими горами по Сибири. Татары охотливо занимаются повсюду земледѣліемъ и въ своихъ мѣстахъ первые и смышленые торговцы и даже заводчики. Казанскіе Татары — самые способные и смышленые. Точно также живутъ по деревнямъ и по сосѣдству съ Татарами Черемисы, народъ лѣсной и земледѣльческой; Чуваши, у которыхъ есть даже свой городъ — Чебоксары, Вотяки, со своимъ вятскимъ городомъ Глазовымъ, хо-

рошіе земледѣльцы и пчеловоды, Зыряне — торговый народъ, Пермяки — народъ подзаводскій и Мордва, которыхъ малымъ чѣмъ можно отличить отъ русскихъ. Всѣ эти народы придерживаются Волги и живутъ по ея притокамъ, всѣ трудолюбивы и честны, но очень неопрятны и очень суевѣрны, хотя всѣ теперь окрещеные.

—

На полночь отъ русскихъ людей, въ самыхъ холодныхъ странахъ Россіи, живутъ осѣдло деревнями Ижора или, по-просту, Чухны и Корелы, на западъ — Эсты и Ливы. Всѣ занимаются земледѣліемъ и не любятъ мѣнять его на другіе промыслы; всѣ живутъ бѣдно и грязно, но не любятъ оставлять родимыхъ мѣстъ. Только въ однихъ Корелахъ осталась еще страсть къ кочеванью и многіе изъ нихъ любятъ шататься по дальнымъ мѣстамъ съ мелкимъ товаромъ торгашами. Скитаются еще такимъ образомъ на востокѣ Россіи, за Волгой, Вогулы съ походными подвижными кузницами. И замѣтна еще дикая старая страсть у Ливовъ, Эстовъ и Чухонъ въ томъ, что они не любятъ жить въ большихъ селеніяхъ и кучками, но каждая семья старается выстроить себѣ избу отдѣльно, гдѣ-нибудь середи поля, лишь бы только это имъ было возможно.

—

Всѣ народы, населяющіе сѣверъ Россіи и Сибири, принадлежатъ къ чудскому племени, всѣ они родственны между собою и потому, что у всѣхъ одинъ корень, и всѣ они заняли нынѣшнія мѣста свои въ незапамятныя времена, когда на свѣтѣ Божіемъ и

Руси не было. Жила въ лѣсахъ русскихъ Чудь; она же иаселяла и иобережья рѣкъ и озеръ, она же сидѣла и по рѣкѣ Волгѣ и ея широкимъ и многоводнымъ притокамъ. Племя Чуди было сильное и многолюдиое; зашло оно сюда, Богъ вѣсть въ какія стародавнія времена и жило бы себѣ до сихъ иоръ, если бы не пришло русское илемя сильнѣе его. Убогое, звѣроловиое, несчастиое нлемя Чуди не устояло: частію оно разбилось иа мелкія племена, которыя и коротаютъ свой вѣкъ кое-какъ, ежегодно вымирая; частію илемеиа чудскія слились съ илемеиемъ русскимъ, какъ воды малыхъ и слабыхъ притоковъ съ водою сильной, широкой и главной рѣки. Многія чудскія илемена исчезли такъ, что и слѣда не иокинули: остались только темныя преданія о томъ, что жилъ-де въ сосѣдствѣ съ Русскимъ иародъ Весь, народъ Мурома, народъ Меря, а видалъ ли ихъ кто теперь, въ иаши дни? Точио тоже сталось въ Сибири съ Аніулами, Омоками и Шелагами: мы знаемъ тенерь ихъ по имеиамъ только. Отъ Вогуловъ, Юкагировъ и Коряковъ остаются лишь слабые остатки. Сѣверные иароды, иѣкогда страшные и оиасные для сосѣдей, теперь на краю погибели. Они начали сливаться съ русскимъ иародомъ и должны соединиться съ нимъ, чтобы существовать на землѣ.

Всѣ иароды, населяющіе югъ Сибири и отчасти востокъ Великой Россіи, иринадлежатъ къ монгольскому илемени, какъ Буряты, Киргизы, Калмыки, Татары и другіе. Монгольское илемя жило на су-

ровыхъ климатомъ равнинахъ сѣверной Азіи. Племя это скопилось тамъ въ такомъ многолюдствѣ, что не могло оставаться на старомъ мѣстѣ и ринулось искать новыхъ земель. Подобно буйнымъ вѣтрамъ обитаемыхъ ими странъ, народы эти шли, какъ вихорь, сокрушая все на пути своемъ. Многія цвѣтущія царства были ими завоеваны, многіе народы, попавшіеся имъ на дорогѣ, оставили старыя пепелища свои и бѣжали впередъ, подгоняемые крутой и сильной бурей валившихся на нихъ народовъ. Монголы прошли тысячи верстъ, не задумались надъ безплодными песчаными степями, прошли по нимъ; не остановили ихъ высокія горы, не задержали широкія рѣки. Они одолѣли всѣ преграды, явились и на тѣхъ земляхъ, которыя заняты были русскимъ племенемъ; покорили нашихъ предковъ больше пятисотъ лѣтъ (1240 г.) тому назадъ. Не пошли они на разрушенія дальше: отечество наше приняло на себя послѣдніе жестокіе удары, принесло себя въ жертву за спасеніе остальныхъ народовъ, жившихъ по сосѣдству съ нами. На нашей землѣ набѣги Монголовъ окончились; наши предки покорились пришлецамъ; но пробилъ урочный часъ и мы, въ свою очередь, спустя лѣтъ двѣсти, сбросили съ себя ихъ ярмо, потомъ сдѣлали ихъ себѣ подвластными и данниками. Въ наши дни Татары занимаются воздѣлываніемъ земли уже съ давнихъ едва памятныхъ временъ; Киргизы перестали дѣлать набѣги и налаживаютъ съ нашими уральскими и сибирскими казаками кое-какую торговлю; Калмыки живутъ какъ добрые и кроткіе сосѣди и звѣрства съ ихъ стороны

давно не примѣтно. Буряты и Монголы — остатки изъ племени, не ушедшіе съ соотчичами своими на дальные грабежи и битвы, и оставшіеся па родинѣ, — охотно покорились русской власти. Буряты, переходя въ Иркутскую губернію, начинають строиться деревнями и воздѣлывать землю. Монголы по Селенгѣ-рѣкѣ пособляютъ сибирской торговлѣ едва-ли не больше самихъ Русскихъ. И на сколько вялы и не прочны племена сѣверныя или чудскія, на столько крѣпки и живущи племена южныя, или монгольскія. Когда чудскія племена уменьшаются въ числѣ и пропадаютъ, или сливаются съ русскимъ племенемъ, — монгольскія племена сохраняются и, не уменьшаясь въ количествѣ, не исчезаютъ въ русскомъ племени, а живутъ татарами и на рѣкахъ Волгѣ, Уралѣ, Тоболѣ, Вяткѣ и въ Крыму и за Кавказомъ; и кочуютъ въ заволжскихъ и по сибирскимъ степямъ съ тѣми же лошадями и баранами, въ тѣхъ же халатахъ, и съ такими же точно кибитками, какъ и во времена Мамаева побоища.

—

Человѣкъ изъ чудскаго племени большею частію дрябль тѣломъ и слабъ духомъ, труслинъ и смиренъ. Бѣлые, свѣтлые волоса — главное отличіе этого племени; только у нѣкоторыхъ народовъ (у Кореловъ и Вотяковъ) свѣтлый льняной цвѣтъ волосъ переходитъ въ рыжій и никогда не дѣлается черным. Черные, какъ смоль, волоса, жесткіе какъ щетина и торчащіе шапкой на головѣ (но рѣденькіе на бородѣ), составляютъ отличіе человѣка изъ монгольскаго племени. Четвероугольное лицо, выдающіяся скулы у

этого племени, служатъ вторымъ его отличіемъ. Небольшіе глаза дѣлаютъ его похожимъ на народовъ чудскаго племени; но монгольскіе глаза глядятъ плутовато и зорко, и видятъ далеко добычу свою, какъ бы глаза хищнаго вóрона. Глазъ человѣка изъ чудскаго или сѣвернаго племени, смотритъ вяло, плохо видитъ, часто слезится; глазъ его, какъ глазъ ночной птицы, филина, больше спитъ и добычи не ищетъ; онъ даже плохо видитъ и ту, которая лежитъ подъ самымъ носомъ. Бѣлоглазою Чудью прозвало ихъ русское племя. Монголъ любитъ коня и удалой, лихой ѣздокъ, на одномъ мѣстѣ не посѣдливъ и, сидя на немъ, все какъ будто кажется не прочнымъ тутъ и охотливо бродитъ, какъ Калмыкъ и Киргизъ, по степи съ арканомъ; какъ Татаринъ—по городамъ съ мыломъ и халатами. Чудинъ до коней не охотникъ и если усядется на мѣсто, то уже и сидитъ на немъ такъ, что никакая сила, даже голодъ, не сдвинетъ его. Осѣдлый Монголъ (какъ Татаринъ) выстроивъ избу, — любитъ держать ее чисто и опрятно; осѣдлые Вотякъ, Черемисъ и Чувашъ живутъ въ дымныхъ, чадныхъ, черныхъ избахъ, вмѣстѣ со свиньями и телятами, и въ пищѣ не разборчивы.

—

Большая часть кочующихъ и бродячихъ народовъ вѣры языческой, поклоняются идоламъ, не признаютъ Единаго Всемогущаго Бога, но вѣрятъ, что судьбу ихъ стерегутъ многіе боги: добрые и злые. Эти боги—какіе-то капризные призраки, которыхъ подарками можно совратить съ пути правды и заставить служить себѣ. У идолопоклонниковъ мон-

гольскаго племени, эти идолы сдѣланы изъ серебра, мѣди и дерева, часто и украшены дорогими шелковыми тканями; у инородцевъ сѣверныхъ: идолы — грубые, плохо отдѣланные деревянные и каменные чурбаны, или невидимые духи. Идолопоклонникамъ сѣвернымъ подслуживаются *шаманы*, ловкіе обманщики, которые мастерски умѣютъ колотить въ барабанъ, кривляться и обманывать простодушныхъ простаковъ. Они и духовидцы, и опытные фокусники. Имъ вѣрятъ и наши Самоѣды, и сибирскіе Тунгусы, Чукчи, Остяки и прочіе. У монгольскихъ племенъ посредничаютъ между богами и людьми на большую часть ламы, живущіе во множествѣ между забайкальскими Бурятами. И шаманы и ламы (въ шаманской вѣрѣ и ламайской), кромѣ того, что исполняютъ различные священные обряды, занимаются еще леченіемъ отъ болѣзней: но шаманы пускаютъ въ дѣло заклинанія и заговоры, то есть обманываютъ и себя, и другихъ, и не иное что, какъ грубые и дикіе люди; ламы лечатъ своихъ травами и лечатъ такъ успѣшно, что къ ихъ помощи прибѣгаютъ въ Сибири и не язычники: ламы — ученые по своему и умные по всяческому люди. У монгольскихъ язычниковъ для воздаванія почестей богамъ ихъ, строятся особые храмы, куда приносятъ для боговъ всякія приношенія: и барановъ, и рисъ, и фрукты, и овощи; у сѣверныхъ идолопоклонниковъ чаще не бываетъ отдѣльныхъ строеній для молитвъ, но имѣются священныя мѣста, на которыхъ камнимъ грубо - вытесаннымъ, они приносятъ въ жертву кости, кровь и рога оленей.

Нѣкоторая часть чудскихъ племенъ приняла христіанство, но еще упорно и усердно придерживается суевѣрныхъ языческихъ обычаевъ и понятій. Вѣруя Единому Богу и приходя въ церковь, они про всякій случай прибѣгаютъ въ молитвахъ къ нѣкоторымъ деревяннымъ богамъ своимъ. Чаще другихъ поступаютъ такъ Лопари, почти всегда—крещеные Самоѣды, нерѣдко и Вотяки, и Черемисы, и Корелы.

Большая часть инородцевъ монгольскаго племени приняла вѣру Магомета, которая, кромѣ Единаго Бога, велитъ чтить еще пророка Магомета. Человѣкъ этотъ сочинилъ новую вѣру изъ трехъ различныхъ: еврейской, христіанской и языческой, и, завѣщая всѣхъ людей другой вѣры считать проклятыми и погаными, натворилъ потомъ много бѣдъ на свѣтѣ, развелъ войны, истребилъ множество людей. Достались таковыя бѣды и нашему народу; лилась отъ магометанъ кровь и на нашей землѣ. До сихъ поръ ни одинъ магометанинъ не соединится бракомъ, не вступитъ въ родство ни съ христіаниномъ—русскимъ, ни съ идолопоклонникомъ. Примѣры этого мы можемъ видѣть и на нашихъ Татарахъ, и на Киргизахъ, и на тѣхъ кавказскихъ горцахъ, которые вѣрятъ Магомету и по его слову и съ примѣра Шамиля вели ожесточенную и долговременную войну съ нашими, Русскими. Любовь къ роднымъ горамъ начала войну, магометова вѣра ее разжигала.

Кромѣ всѣхъ этихъ инородцевъ, русскія земли занимаютъ еще иностранцы, пришельцы изъ другихъ

странъ, поселившіеся колоніями и городами,—всѣ больше на югѣ Россіи и по рѣкамъ Волгѣ, Дону, Днѣпру и Днѣстру. Таковы: Греки, Румыны (или Валахи и Молдаване), Цыгане, которымъ воспрещено теперь бродяжество, Болгары и Сербы, Нѣмцы, Армяне. Четыреста тысячъ Армянъ и пятьсотъ тысячъ Грузинъ, за Кавказомъ, подчинились Русскому Императору, когда покорились ему всѣ земли за Кавказомъ. Съ давнихъ временъ признаютъ надъ собою власть Россіи Финляндцы и Шведы въ Финляндіи, Нѣмцы, Эсты, Ливы, и Латыши въ трехъ губерніяхъ, прилегающихъ къ Балтійскому морю и называемыхъ Остзейскими. Въ западныхъ губерніяхъ по преимуществу, отчасти въ южныхъ и по всей Россіи разбросанъ еще одинъ пришлый народъ, потерявшій отечество свое—это Евреи. Всѣхъ ихъ считается въ нашей Имперіи около полутора милліона душъ: такъ что четвертая часть всѣхъ Евреевъ, существующихъ на бѣломъ свѣтѣ, живетъ у насъ.

Но главный хозяинъ, властелинъ и обладатель всей Русской Земли—племя славянское. Его составляютъ три главныхъ отрасли: великорусская или Великороссіяне, которыхъ считается больше половины всѣхъ жителей русскаго царства (то есть 38 милліоновъ), около десяти милліоновъ Малороссовъ, и только три милліона Бѣлоруссовъ. Казаки, образовавшіеся изъ Великороссовъ и Малороссовъ, населяютъ русскія земли въ количествѣ около полутора милліона душъ; около милліона Поляковъ въ западныхъ губерніяхъ и до четырехъ милліоновъ въ Царствѣ Польскомъ.

Славянское племя, во всѣхъ своихъ народахъ, исповѣдуетъ христіанскую вѣру, господствуетъ надъ другими племенами языческими и магометанскими, и называется иногда, въ отличіе отъ азіятскихъ и по сходству съ европейскими племенами — народомъ бѣлаго племени.

Бѣлое племя нѣкогда жило въ Азіи и притомъ въ самой глубинѣ ея, на роскошныхъ долинахъ. Долины эти были защищены отъ холодныхъ вѣтровъ высокими горами и открыты къ сторонѣ теплыхъ морей. Плодородныя земли требовали труда, но за то съ избыткомъ вознаграждали даже за легкій трудъ и небольшое стараніе. Тамъ и теперь стоитъ только посадить въ землю спѣлый орѣхъ кокосовой пальмы, и уже чрезъ нѣсколько дней является молодой отростокъ; черезъ три года молодое дерево даетъ свѣжіе орѣхи. Скорлупа орѣховъ служитъ для растопокъ, мякоть даетъ вкусную пищу, прохладительный пріятный сокъ; изъ мякоти же выжимается масло и выпаривается сахаръ. Сокомъ кокоса цѣлятъ раны; изъ волоконъ, обтягивающихъ зерно, плетутъ лѣски для рыбы и веревки. Старыя вѣтви даютъ хорошіе дрова, изъ старыхъ листьевъ плетутъ корзины, изъ молодыхъ — и опахало противъ жары и шляпу отъ солнечнаго зноя. Въ десять лѣтъ кокосовая пальма въ полномъ соку и затѣмъ сто лѣтъ сохраняетъ все ту же крѣпость, красоту и силу. Посадившій десять пальмъ сдѣлалъ то же, для своихъ дѣтей и внуковъ, что дѣлаетъ у насъ, въ самыхъ хлѣбородныхъ мѣстахъ, тотъ, кто всю жизнь

пашетъ землю, въ потѣ лица собираетъ жатву и сберегаетъ кое-что для наслѣдниковъ.

Въ умѣренныхъ странахъ средней Азіи жилъ и тотъ избранный народъ еврейскій, которому явился Спаситель рода человѣческаго и проповѣдано Евангеліе благости и спасенія для всѣхъ людей.

Долины этой Азіи, хорошо орошенныя рѣками, съ плодоносными берегами, съ благодатнымъ и здоровымъ воздухомъ, стали родиной бѣлаго племени. Племя это населило потомъ всю Европу; къ нему принадлежимъ и мы, русскіе Славяне.

Тамъ нарождалось это племя на обиліи пищи, именно тамъ, гдѣ родится рисъ—самое питательное изо всѣхъ хлѣбныхъ растеній: въ среднемъ урожаѣ самъ-сто, высокимъ урожаемъ самъ-четыреста и въ неурожайные годы дающій самъ-сорокъ. Тамъ въ цвѣтущихъ долинахъ средней Азіи на обильной, сытой и дешевой пищѣ, накопляло бѣлое племя силы для тяжелаго подвига дальныхъ переселеній. Тамъ финиковая пальма плодами своими (финиками) пропитываетъ сотни тысячъ народа; мѣстами она приноситъ плоды въ такомъ изобиліи, что не только старъ и младъ, но лошади, ослы, собаки, овцы, даже верблюды кормятся финиками. Финиковая пальма, на вѣчное владѣніе, стоитъ въ продажѣ на наши деньги не больше 32 копѣекъ; посадка требуетъ небольшой работы; сотня деревьевъ занимаетъ мѣста меньше четверти десятины. Выросшее дерево во всю жизнь потомъ даетъ обильной сборъ. Растеніе джура отъ одного зерна даритъ 240; полторы четверти этихъ зеренъ стоятъ 7½ нашихъ копѣекъ.

Живя на мѣстахъ, не нуждаясь въ отлучкахъ, не вѣдая работъ, изнуряющихъ тѣло и сокращающихъ жизнь, питаясь сытою и дешевою пищею, народъ наросталъ быстро и сильно, съ бѣлой кожей, съ высокимъ и гибкимъ станомъ, съ правильнымъ окладомъ лица. Наросталъ онъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ сытнѣе ѣлъ и жилъ въ бо̀льшемъ довольствѣ. Когда земля не могла пропитывать народъ въ такомъ громадномъ многолюдствѣ и между людьми начались ссоры и смуты, тогда бѣлое племя сошло со своихъ родныхъ долинъ. Но когда это случилось — люди не помнятъ; ученые историки о томъ не пишутъ; для насъ это не такъ важно. Важно для насъ то, что бѣлое племя направилось въ полуночную сторону и черезъ Кавказъ, по тамошнымъ долинамъ, по солончаковымъ степямъ, прошло въ Европу. Оно остановилось и сѣло на ея земляхъ и потому, что нашло нѣкоторое сходство съ мѣстами родины, — и оттого, что могло уже на непочатыхъ земляхъ прилагать свой трудъ; знало, какъ ладить съ ними. Придя въ Европу, бѣлое племя принесло съ собой и тѣ хлѣбныя зерна и тѣ сѣмена овощей и плодовъ, которые составляютъ нашу пищу. Они же привели съ собою и большую часть домашнихъ животныхъ, а на дикихъ животныхъ принесли умѣнье укрощать ихъ и пріучать къ дому.

Въ это-то незапамятное для людей время, вмѣстѣ съ другими народами бѣлаго племени, вѣроятно пришли въ Европу и родоначальники русскаго племени — народъ славянскій, Славяне.

Въ то время, когда изобрѣтена была письменность и люди записывали на память дѣтямъ все, что видѣли и слышали, предки наши, Славяне, жили на берегахъ Дуная. Дунайскіе берега стали почитаться настоящей родиной всего славянскаго племени. Дунай остался въ памяти всего нашего народа и съ почестью Ивановича во многихъ нашихъ пѣсняхъ. До сихъ поръ живутъ на немъ наши одноплеменники: Сербы, Болгары и другіе. На этой рѣкѣ, впадающей въ Черное море, въ давнюю старину копилось славянское племя. Точно также и здѣсь, когда земля отказала въ просторѣ, почва въ пропитаніи, а домашнія смуты и неурядицы не обѣщали безопасной и спокойной жизни, народъ принужденъ былъ раздѣлиться на племена. Одни остались на мѣстѣ, другія пошли отыскивать новыя удобныя мѣста. Нашли они, конечно, похожія и притомъ подручныя, тутъ же, около, на плодоносныхъ равнинахъ, прилегающихъ къ тому же Черному морю, въ которое впалъ и Дунай (съ запада). По рѣкамъ, впадающимъ въ это море съ сѣвера и по рѣкамъ, текущимъ въ сосѣдствѣ въ Балтійское море, сѣли тѣ Славяне, которыхъ стали называть — въ отличіе отъ родичей, оставшихся на западѣ — Славянами восточными. Отъ нихъ-то и пошла Русская Земля, выросъ цѣлый народъ Русскій.

Тысячу лѣтъ тому назадъ, ранѣе того времени, когда жилъ въ Кіевѣ первый лѣтописецъ нашъ, монахъ печерскаго монастыря, преподобный Несторъ, русскіе Славяне завѣдомо жили на берегахъ трехъ сѣверныхъ озеръ: Бѣла-озера, Ильменя и Псков-

скаго и по берегу рѣки Днѣпра, гдѣ, на высокой горѣ, стоялъ уже престольный городъ Кіевъ — мать всѣхъ городовъ русскихъ.

—

Славяне были народъ земледѣльческій, оттого-то они и заняли по Днѣпру и около (и по другимъ рѣкамъ) всѣ тѣ мѣста, которыя до нашихъ дней одни изъ самыхъ плодородныхъ. Не могли они занять дальныхъ травяныхъ степей, болѣе удобныхъ для скотоводства, потому что тамъ съ давнихъ временъ кочевали съ табунами лошадей и стадами рогатаго скота, другіе народы: вскорѣ послѣ Рождества Христова Гунны, Болгары, Авары, Хазары; позднѣе потомъ Печенѣги (въ X вѣкѣ), Половцы (въ XI вѣкѣ) и, наконецъ, Татары (въ XIII вѣкѣ). Охотнѣе подвигались Славяне въ полуночную сторону, не боясь дремучихъ лѣсовъ теперешной Бѣлоруссіи и лѣсистой, мѣстами крѣпко-болотистой и кое-гдѣ наполненной озерами равнины, гдѣ теперь губерніи новгородская и псковская. Умѣнье обработывать землю дало нашимъ предкамъ смѣлость селиться на мѣстахъ, по видимому неблагопріятныхъ ихъ привычнымъ и возлюбленнымъ занятіямъ.

—

Мирные земледѣльческіе труды сдѣлали то, что Славяне отличались кроткими нравами. Современики хвалятъ гостепріимство и хлѣбосольство ихъ. Они любили миръ для того, чтобы успѣшнѣе продолжать полевыя работы; но въ то же время умѣли отстаивать свои дорогія поля отъ набѣговъ сосѣднихъ хищниковъ. Сначала они откупались отъ

нихъ данью или податью, собираемою отъ своихъ избытковъ. Такъ поступали приднѣпровскіе Славяне съ Хазарами, новгородскіе съ Варягами. Потомъ, когда славянскія племена укрѣпились и облюдѣли на мѣстахъ своихъ, они боролись и оружіемъ, какъ съ Печенѣгами и Половцами. На высокихъ холмахъ, вблизи рѣкъ и озеръ, Славяне строили укрѣпленные города или крѣпости; имѣли особыхъ людей для дружины или войска. Дружина защищала земли, обрабатываемыя простыми людьми или смердами, и за то получала прокормъ или жалованье. Когда же народъ славянскій, въ особенности сѣверные Славяне, или новгородскіе, стали страдать отъ неурядицъ и смутъ,—они призвали изъ-за моря властителей изъ рода Варяговъ *Русовъ* (оттого и *русь* наша). Три брата, подъ именемъ великихъ князей, стали владѣть народомъ. Вскорѣ изъ потомковъ первыхъ князей одинъ князь подчинилъ себѣ и южныхъ Славянъ, взявши городъ Кіевъ. Въ Кіевѣ княжеская власть укрѣпилась и стала повелѣвать большею частію Русской Земли. Новгородъ управлялся своими князьями.

По мѣрѣ того, какъ укрѣплялась власть князей надъ отдѣльными славянскими племенами и ближайшими ихъ сосѣдями, народъ брелъ охотно далѣе и занималъ пустыя, никѣмъ не тронутыя и не населенныя, земли. Такихъ земель тогда было въ-волю; народа же на огромныхъ пустыняхъ нынѣшней Великороссіи было мало.

—

Черезъ десять, одиннадцать столѣтій послѣ Рождества Христова, а отчасти и въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, славянскія племена изъ первыхъ мѣстъ поселенія подвинулись уже такъ далеко, что начали заселять земли по берегамъ рѣкъ Оки и Волги (въ верховьяхъ). Въ то время они не шли ни дальше къ востоку, ни дальше къ югу, потому что могли бы натолкнуться на воинственныхъ кочевниковъ. Народы эти, вышедшіе изъ пустынь, за безплодіемъ почвы привыкшіе жить грабежомъ и разбоемъ, сдѣлались хищными, гордились своими кровожадными подвигами и отъ души презирали тѣхъ, которые выучились и привыкли жить честнымъ трудомъ. Суровые разбойники эти нѣсколько столѣтій сдерживали русское племя въ серединѣ нынѣшней Великой Россіи на истокахъ главныхъ рѣкъ и не пускали ихъ вдаль ни къ морю Каспійскому, ни къ морю Черному: держали въ лѣсахъ, не уступали степей.

Русскіе люди много бѣдъ вытерпѣли, много напастей вынесли, пока на украйнахъ земель своихъ не образовали крѣпкаго оплота противъ хищниковъ: въ 15-мъ вѣкѣ образовались поселенія казаковъ на многихъ украйнахъ съ востока и съ юга.

Вблизи третьяго моря, Балтійскаго, на западѣ, сидѣло родственное славянскому племени — племя литовское, а съ исхода 12-го вѣка утвердились на берегахъ моря нѣмецкіе поселенцы, называвшіеся Меченосцами.

Русскому племени оставался широкій просторъ и вольный проходъ на полуночную сторону, къ сѣверу, въ холодныя страны. Тамъ жила убогая, смирен-

ная Чудь. Изъ вѣковъ тѣснимое и уходившее въ глубь сѣвера, племя это заняло самыя печальныя и несчастныя страны свѣта. Когда натолкнулось на Чудь русское племя, народы полуночные скоро ему покорились. Русскіе заняли огромныя лѣсныя пространства, а въ 16-мъ вѣкѣ мы уже находимъ нашихъ далеко на востокѣ, за Уральскимъ хребтомъ, въ Сибири.

—

Самыя дѣятельныя и самыя смѣлыя переселенія совершали Новгородцы. Скудная и суровая природа ихъ родины, выучила ихъ терпѣнію и труду, но не привязала ихъ къ себѣ, часто обижая неурожаями и повальной голодной смертью со всѣми ея ужасами. Народъ искалъ побочныхъ занятій, ремеслъ и промысловъ; узналъ выгоды торговли, полюбилъ барышъ и сознался съ корыстью. Выгодный торгъ пушнымъ звѣремъ повлекъ его по лѣсамъ, богатымъ такимъ звѣремъ и — увлекъ въ Сибирь. Торговля въ Новгородѣ выросла тогда до огромныхъ размѣровъ, потому что новгородскіе торговые пути выводили прямо въ море Балтійское, которое сдружило нашъ старорусскій городъ съ городами нѣмецкими. Новгородъ вступилъ съ ними въ союзъ, называвшійся Ганзою; а въ рукахъ Ганзы была большая половина всей тогдашней европейской торговли.

Идя за пушнымъ звѣремъ, новгородцы подселялись къ завѣдомымъ звѣроловамъ изъ чудскаго племени и дѣлали изъ нихъ своихъ кабальныхъ работниковъ. Въ заботѣ о себѣ, они садились на берегахъ рѣкъ богатыхъ рыбой и кое-какими земля-

ными угодьями, копили и строили слободы, и шли дальше. Ничто ихъ не останавливало: ни зыбучія болота, ни непролазные лѣса; рѣки были ихъ дорогами, исконное ремесло плотничье съумѣло сдѣлать ихъ и хорошими судоходами, когда то имъ понадобилось. Когда попались имъ на пути каменныя Уральскія горы и преграждали дорогу, — они перевалились и черезъ нихъ. Бѣглый казакъ Ермакъ Тимофеевъ отбоевалъ у Татаръ сибирскія земли, а по его слѣдамъ, но уже не съ ружьями и пищалями, не съ огненнымъ боемъ, а съ мѣдными кунами (деньгами) и серебряными гривнами, новгородскіе купцы врѣзались и въ дальную Сибирь. Студеная, пустынная Сибирь мало-по-малу покорилась во всю длину и ширину ея: новгородскій крутой гòворъ слышится теперь и въ Камчаткѣ, и за сибирскимъ Святымъ моремъ — Байкаломъ; онъ и на Ленѣ, и на Енисеѣ, Оби, Иртышѣ и Тоболѣ.

Позднѣе, въ сосѣдствѣ съ новгородскими выходцами, поселились новые пришельцы, которыхъ ссылала Москва изъ своихъ земель за преступленія. За соболемъ и бѣлкой гнались въ Сибирь первые русскіе люди, за золотомъ гоняются теперь другіе и новые русскіе люди. Но на такіе подвиги не ходили коренные и исконные землепашцы.

—

Земледѣльцы-Славяне, южные, наваливались избыткомъ своего народа на тѣ хлѣбородныя земли, которыя принадлежатъ нынѣшней южной лѣсной полосѣ Россіи. Тутъ они сбивались въ кучу, жались другъ къ другу; въ недолгое время образовали

княжества: Владимірское, Московское, Тверское, Рязанское и другія мелкія. Москва стала срединнымъ городомъ. Около нея накоплялось людное населеніе. Московское великое княжество стало главнымъ и сильнымъ. Когда великіе князья ея назвались царями и одному изъ нихъ, Ивану Третьему, удалось присоединить всѣ сосѣднія, мелкія и крупныя, княжества, — Московское стало называться царствомъ. Царство укрѣплялось, дѣлало новыя завоеванія: покорило и тѣ земли, которыя заселилъ вольный Новгородъ и тѣ царства, которыя основали на Волгѣ Татары. Татары, покорившіе въ 13-мъ вѣкѣ всю Русь (и южную кіевскую и среднюю московскую, исключая одной сѣверной — новгородской) — Татары изъ властителей стали сами данниками и побѣжденными. Вскорѣ Москва могла дѣйствовать смѣло: она очутилась владѣтельницею всего, что носило русское имя и говорило русскимъ языкомъ, кромѣ южной Россіи или Малороссіи. Бѣлоруссію успѣли было подчинить себѣ Поляки, но ея земли снова мало-по-малу были возвращены Россіи, какъ единокровныя и единовѣрныя. Еще раньше, Малороссія просила царя Алексѣя Михайловича (въ 1654 году) принять ее подъ свое правленіе, когда Поляки пытались и ее подчинить себѣ. Такимъ образомъ всѣ говорящіе русскимъ языкомъ и исповѣдующіе православную вѣру, живутъ въ Россіи, кромѣ части Малороссовъ въ Галиціи, принадлежащей Австріи. и немногихъ поселеній въ Царствѣ Польскомъ.

—

Во всѣ времена существованія Московскаго государства, когда оно было бѣдно и когда стало богатымъ, — московскіе люди не охотно ходили на сѣверъ. Отъ хищныхъ Татаръ, отъ моровыхъ повѣтрій, отъ внутреннихъ войнъ и междоусобій, отъ частыхъ голодовъ, московскіе люди иногда переселялись, но искали мѣстъ хлѣбородныхъ, заселяли степные иустыри, садились также иа рѣкахъ. Они заселяли южныя украйны, московскіе вольные люди сидятъ теиерь въ казакахъ ио рѣкамъ: Дону, по Уралу, по Тереку, на Кубани и на Иртышѣ.

Когда Россія пріобрѣтала новыя пустопорожнія земли оружіемъ или мирными соглашеніями, первыми охотниками на плодородныя земли являлись московскіе люди. Такъ заселились берега низовьевъ Волги и ея южныхъ притоковъ. Такъ казались для московскихъ людей обѣтованными землями: въ концѣ прошлаго столѣтія завоеванныя Императрицей Екатериной Второй, новороссійскія степи, вскорѣ потомъ степи оренбургскія, затѣмъ въ нынѣшнемъ столѣтіи мѣста ио ту сторону Кавказскихъ горъ.

Богатая Сибирь манила и привлекала только охотниковъ съ сѣвера Россіи — новгородскихъ лаиотниковъ, которыхъ и обувала вскорѣ потомъ въ сапоги за то, что не мѣняли они своихъ трудныхъ и узкихъ тропъ по лѣсамъ и болотамъ на широкія и легкія дороги по стеиямъ. И только, когда въ дальней Сибири открылась новая страна, которую называли обѣтованной и прозывали Амуромъ, потянулись въ Сибирь и московскіе люди изъ смежныхъ

съ Московою губерній. До этихъ поръ, московскій народъ по своей доброй волѣ ходилъ въ Сибирь очень рѣдко и въ маломъ числѣ.

—

Новгородцы шли спознавать чужую сторону отъ недостатковъ на бѣдной и скудной родинѣ: что заставляло переселяться московскій народъ?

Повальныя болѣзни — моровыя повѣтрія — съ той поры, какъ стали вырубать лѣса и осушать болота, исчезаютъ съ лица земли русской и, можно смѣло сказать, такихъ не будетъ, какія въ старину были.

«Отошла пора Татарамъ на Русь ходить» — какъ говоритъ поговорка.

Голодовъ повальныхъ ожидать нельзя: стали люди запасливы. По рѣкамъ бѣгаютъ пароходы, рѣки соединены каналами; ладятся желѣзныя дороги тамъ, гдѣ нельзя устроить водяныхъ сообщеній. Начнутъ голодать въ мало-хлѣбородныхъ мѣстахъ въ неурожайные годы, можно подвезти хлѣбъ изъ хлѣбородныхъ.

Хищныхъ народовъ русскія войска отбросили прочь и слѣдятъ за ними недремлющимъ окомъ: пошевелиться не дадутъ. Отчего же русскіе люди съ хлѣбородныхъ черноземныхъ земель уходятъ прочь — искать новыхъ мѣстъ?

— Отъ недостатка въ землѣ — отвѣчаютъ сами переселенцы: оттого, что расплодился народъ.

Въ полтораста лѣтъ число жителей Россіи увеличилось въ пять разъ. Въ хлѣбородныхъ мѣстахъ, по законамъ природы, оно возрастаетъ быстрѣе,

чѣмъ въ холодныхъ: при обиліи въ пищѣ плодятся люди; въ случаѣ скудости ея, народонаселеніе перестаетъ увеличиваться и даже уменьшается. Стало быть, вѣроятнѣе полагать, что увеличеніе народа произошло къ югу отъ Москвы. И въ самомъ дѣлѣ, народъ густо сидитъ по землямъ черноземной полосы вплоть отъ Оки до степей новороссійскихъ и крымскихъ, т. е. въ срединѣ русскаго государства, между Кіевомъ, гдѣ началось оно и Москвою, гдѣ оно въ конецъ устроилось и устаиовилось. Въ губерніяхъ: Московской, Тульской, Курской и Полтавской, приходится больше двухъ тысячъ человѣкъ на квадратную милю (или почти на каждыя пятьдесятъ верстъ). По полторы тысячи человѣкъ идетъ на то же количество верстъ въ остальныхъ замосковныхъ губерніяхъ: Калужской, Рязанской, Орловской и другихъ.

Замѣчено, что число рождающихся мальчиковъ больше числа родящихся дѣвочекъ, но умираетъ мальчиковъ больше, чѣмъ дѣвочекъ. Оттого число женщинъ превышаетъ количество мужчинъ въ 15-ти губерніяхъ: этого нѣтъ уже ни въ одномъ государствѣ цѣлаго свѣта. Если сосчитать количество десятинъ удобной земли (луга, сады и иахатныя земли), то отечеству нашему нечего бояться за возрастаніе парода. У насъ нельзя ожидать тѣхъ несчастій, которыя породилъ излишекъ населенія у Англичанъ и Нѣмцевъ. Тамъ вкоренилось тунеядство, безпомощное состояніе рабочаго народа. Накопленіе народа въ хлѣбородныхъ мѣстахъ намъ не страшно.

Не то въ холодныхъ странахъ нашего сѣвера, гдѣ человѣкъ для того, чтобы жить, долженъ много трудиться. Постоянно заботливый, утомленный, иногда чрезмѣрными работами, сѣверный человѣкъ не прочень, вѣкъ его коротокъ. Природа и земля питаютъ его скудно: онъ почти все долженъ брать съ бою, надрывать силы. Дома онъ ничего не высидитъ, оттого ходитъ на дальные промыслы, часто и надолго покидаетъ родную избу и родную семью.

Въ теплыхъ странахъ природа съ избыткомъ награждаетъ за трудъ: искать и промышлять вдали нѣтъ нужды. Оттого, сѣверный человѣкъ охотно скитается и перемѣняетъ мѣста; южный человѣкъ охотнѣе сидитъ дома, имѣя все подъ руками. У этого меньше любви къ труду, постоянства и рвенія, безъ чего сѣверный человѣкъ могъ бы въ конецъ погибнуть. Морозы вынуждаютъ его охотиться за звѣрями, чтобы упромыслить теплую шубу, при чемъ часто подвергаетъ онъ жизнь свою опасностямъ, но становится смѣлъ и отваженъ. Человѣкъ теплыхъ странъ согрѣвается и въ бумажныхъ, льняныхъ и шерстяныхъ платьяхъ; объ мѣхахъ у него нѣтъ заботы: онъ больше сидитъ и лежитъ дома, и не наживаетъ ни отваги, ни храбрости, но за то не знаетъ смертельныхъ опасностей. Въ теплыхъ странахъ люди и ѣдятъ меньше, довольствуясь (согрѣваясь и питаясь) пищею изъ растеній, овощей, фруктовъ и мяснаго изъ баранины. Въ холодныхъ странахъ жиръ и сало — любимая и неизбывная пища, для жителей жаркихъ странъ строго воспрещенная закономъ. Свиное мясо запретилъ Моисей

Евреямъ. Этотъ же запретъ наложилъ и Магометъ для своихъ поклонниковъ — мусульманъ. Въ то же время сѣверный человѣкъ принужденъ ѣсть больше, чтобы пищей усилить и сохранить теплоту въ тѣлѣ, чему только и можетъ пособить одна мясная пища. Только много и круто поѣвши, народъ холодныхъ странъ добивается того же, что легко и скоро получаетъ полуголодный и поѣвшій на-скоро и въ сухомятку житель теплыхъ странъ. Нашъ извощикъ на постоялыхъ дворахъ, ослабивъ или даже сбросивъ прочь подпояску, ѣстъ цѣлый часъ и по десяти чашекъ. Закавказскій Персъ или Армянинъ, плотно перетянутый по поджарому животу ремнемъ съ серебряной съ чернятью насѣчкой, насыщается на цѣлый день чашечками рису, мучными лепешками (чурехами), изготовленными на водѣ и слегка поджаренными, сытъ съ грушъ, яблоковъ и горсти винограда.

—

Великороссъ отъ скудости природы принужденъ былъ выдумать промыслы, пристрастился къ ремесламъ и торговлѣ. Такъ онъ и поступилъ въ той половинѣ Россіи, которая идетъ къ сѣверу отъ Оки. Малороссъ остался на занятіи предковъ — земледѣліи и плохой промышленникъ и ремесленникъ, неохотливо занимается и торговлей. Великороссъ, отрываемый отъ дома, не съумѣлъ устроиться домовито: грязно держитъ избу, плохо его огородное хозяйство на землѣ мало плодородной. Ему необходимо отлучаться изъ дому по сторонамъ на заработки. Малороссъ же любитъ домашнее хозяйство,

хорошій садовникъ, живетъ опрятно, старается, чтобы хата (или изба) его была чиста, красна углами и пирогами. Малороссъ такъ устроилъ дѣла, что изъ родныхъ мѣстъ ни ногой; Великороссъ пріѣзжаетъ къ нему и хлѣбъ и шерсть и скотъ закупать на мѣстѣ, и нужные товары привозитъ подъ носъ, на ярмарки: въ Харьковъ, въ Полтаву, въ Курскъ, въ Кіевъ. За скотомъ и хлѣбомъ Малороссы живутъ такъ спокойно, что и фабрики на ихъ земляхъ завели Великороссы и переселенные колонисты-Нѣмцы; свеклосахарные и винокуренные заводы выстроили паны, да Евреи. За то нѣтъ нигдѣ такихъ садовъ, такого крупнаго скота, такой бѣлояровой пшеницы, каковы они въ этой благословенной странѣ. Любитъ Малороссъ ее — и не покидаетъ; у него еще свой дымъ глазъ не ѣстъ, для него родная сторона — мать, чужая — мачиха. Пускай жернова говорятъ, что въ Кіевѣ лучше; ступа другое толкуетъ: то тутъ, то тамъ. Великороссъ бредетъ всюду, онъ вѣритъ, что чужая сторона прибавляетъ ума и за то, куда бы ни пришелъ онъ, гдѣ бы ни поселился — вездѣ скоро становится тутошнымъ; у него на это нѣтъ зарока, а живетъ правило: въ какой народъ придешь, — ту и шапку надѣвай. Только слишкомъ крутая нужда, приказъ, да неволя, снимаютъ Малоросса съ родимой земли; но уходя оттуда, онъ въ дѣтяхъ и правнукахъ остается все тѣмъ же, какимъ пришелъ на чужбину. Онъ даже и на языкѣ своемъ круто устойчивъ; не мѣняетъ его на другой, какъ Великороссъ, который со всѣми успѣлъ столковаться: и съ Самоѣдомъ, и съ Татариномъ, съ Якутомъ и

Китайцомъ. Великороссъ на всѣ руки, Малороссъ ходитъ только тореной дорогой; лучше поетъ, голосомъ чище, ростомъ выше, покрасивѣе, но потяжелѣе на ногахъ и на подъемъ. И надо жить и обжиться, слушать и крѣпко прислушаться, чтобы понять рѣчь Малоросса: она мягче великорусской, пріятнѣе звучитъ въ ухо, пѣвучѣе. Великорусская рѣчь распалась на двѣ: выше Москвы говорятъ грубо и круто, *окаютъ* и *цокаютъ*, какъ водится по всему лѣсному сѣверу и по всей Сибири; за Москвой говорятъ мягче и тоньше, съ высока, больше *акаютъ* и *чокаютъ*. Мягче Великороссовъ говорятъ Бѣлоруссы, и развѣ зло возьметъ его, чтобъ онъ не *дзекнулъ* въ отмѣну отъ родныхъ ему Малороссовъ и Великороссовъ.

—

Третья часть русскаго народа — Бѣлоруссы — стоитъ позади главныхъ двухъ. Живутъ они на нездоровыхъ болотахъ и безплодныхъ земляхъ. Въ губерніи Витебской въ самые урожайные годы не хватаетъ хлѣба на весь народъ: мѣшаютъ муку съ мякиной, получаютъ отъ казны пособіе, и все-таки голодà тамъ часты. Живетъ Бѣлоруссъ въ развалившейся хатѣ, въ вѣтхомъ и заплатанномъ рубищѣ, носитъ измызганные лапти. На рабочемъ скотѣ его нѣтъ исправной упряжи, въ домашнемъ скарбѣ и посудѣ всегда недостатокъ. Вялъ онъ и унылъ видомъ, да къ тому же и безпечен сталъ: скота не разводитъ, а что Богъ пошлетъ, промыселъ знаетъ одинъ, да и то немудреный: землекопомъ ходитъ. Даже и то, что Великороссы подвозятъ къ нему изъ

нужныхъ товаровъ, покупаетъ мало: даже запросъ на красные товары на тамошныхъ ярмаркахъ весьма незначителенъ. Ловкіе Евреи всю Бѣлую Русь взяли въ руки и дѣлаютъ съ жалкимъ и бѣднымъ народомъ тамошнымъ все, что хотятъ и могутъ. Храмы Божіи почти всѣ деревянные, въ плохомъ состояніи, только недавно принялись поправлять ихъ; въ церковной утвари большой недостатокъ. Мало краевъ на свѣтѣ такихъ скорбныхъ и бѣдныхъ. Кепско коло Витебска—говорятъ сами Бѣлоруссы, — у города Оршѣ горше, а у Минску по-свинску. Куда ни кинь: вездѣ клинъ. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, Бѣлоруссы хвораютъ особенною хворью — колтуномъ. Отъ сырыхъ жилищъ, отъ дурной пищи, которая мало питаетъ и пучитъ, отъ питья стоячей болотной воды; отъ постоянной мокроты на ногахъ, — зарождается эта рѣдкостная болѣзнь волосъ.

Поляки тоже, какъ и мы, славянскаго племени, но другой съ нами вѣры и обычаевъ: за то весь коренной русскій народъ (и великорусскій, и малороссійскій и бѣлорусскій) исповѣдуетъ одну вѣру по закону восточной каѳолической, апостольской церкви.

—

Вѣра христіанская, Христово ученіе, принято нашими предками, Славянами, отъ Грековъ, жившихъ въ Византіи или Константинополѣ (нынѣшней турецкой столицѣ, Стамбулѣ). Привелъ въ христіанскую вѣру и крестилъ русскій народъ — кіевскій князь Владиміръ, причтенный къ лику святыхъ, и прозванный равнымъ Апостоламъ (Равноапостольнымъ). Случилось это черезъ 988 лѣтъ послѣ Рож-

дества Христова. Восемьсотъ семдесятъ шестой годъ идетъ теперь съ той поры, когда кіевляне приняли крещеніе, первыми изъ Русскихъ, въ рѣкѣ Днѣпрѣ, который и слыветъ за купель всего русскаго народа, а мѣсто крещенія и до сихъ поръ зовется въ Кіевѣ — Крещатикомъ. До того времени всѣ кіевляне и всѣ русскіе Славяне поклонялись и вѣрили языческимъ богамъ, приносили имъ жертвы въ домахъ, у воды, въ лѣсахъ и рощахъ, отправляли праздники въ честь солнца, семика, купалы, каляды, масляницы; вѣрили нечистой силѣ, богамъ бѣлымъ: Сварогу, Даждь-богу, Мѣсяцу, Упырямъ, Берегинямъ или Русалкамъ, Роду или Домовому, Роженицамъ и другимъ, — и чернымъ или адскимъ злымъ богамъ.

Кроткіе и миролюбивые приднѣпровскіе Славяне приняли Христово ученіе безъ прекословія, тихо и послушно. О старыхъ богахъ пожалѣли, поплакали, бѣгали по берегу, когда истуканы ихъ были брошены въ Днѣпръ и плыли по водѣ. Но сѣверные, новгородскіе Славяне, введенію новой вѣры упорно противились: и въ самомъ Новгородѣ, и въ областяхъ Ростовской и Муромской. Долго потомъ и южные и сѣверные Славяне съ трудомъ свыкались съ вѣрою Христа Спасителя и усердно держались старыхъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ.

Первыми духовными лицами были долгое время иноземцы: Греки и Болгары, зависѣвшіе отъ византійскаго патріарха, жившаго въ Константинополѣ. Далеко потомъ, когда уже Московское государство было въ силѣ и славѣ своей, наша церковь греко - россійская стала независимою отъ Грековъ.

Духовенство русское заводило при монастыряхъ школы. Будучи само грамотнымъ, старалось оно обучать грамотѣ и свою паству. Еще до крещенія Руси, для придунайскихъ Славянъ составлена была двумя братьями, Кирилломъ и Меѳодіемъ, азбука и переведены главныя церковныя книги и Евангеліе на славянскій языкъ съ греческаго. Но такъ какъ въ тѣ времена печатаніе книгъ не было извѣстно, то книги переписывались и были въ большую рѣдкость даже у знатныхъ и богатыхъ людей. Первая печатня или типографія, заведена была въ Москвѣ въ 1563 году. Въ писаныхъ книгахъ было то не хорошо, что, во первыхъ, ихъ писали подолгу, а потому и продавали за высокія цѣны, покупать могли только богачи, они же и въ церкви дарили; а во вторыхъ и главное потому, что въ такихъ книгахъ попадалось много ошибокъ. Иной переписчикъ не разбиралъ слова и вовсе его выкидывалъ или — что всего хуже — вставлялъ свое. Когда въ Москвѣ стали печатать съ этихъ рукописей, напечатали книги съ ошибками, съ измѣненіями: задумали править. Нашлись недовольные, которые встали за старыя книги. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (въ 1654 г.) патріархъ Никонъ созвалъ соборъ для исправленія книгъ. Новыя, исправленныя книги, свѣренныя со старыми греческими, не всѣми приняты. Начался расколъ. Часть недовольныхъ, главныхъ зачинщиковъ казнили, большую часть сослали въ дальнія мѣста на вѣчное заточеніе. Расколъ сталъ усиливаться. Гонимые за приверженность къ старинѣ, требовавшей исправленія, удалились въ сѣверные лѣса,

въ Сибирь, къ казакамъ донскимъ и уральскимъ. Расколъ сталъ разбиваться на многочисленные толки и при Петрѣ Первомъ усилился еще больше. Весь онъ пошелъ на сѣверъ отъ Москвы и крѣпче установился въ лѣсахъ и у казаковъ. Малороссія совсѣмъ не приняла его и осталась въ чистомъ православіи.

Не установился расколъ и въ мѣстахъ за Москвою, въ Подстепьѣ. Тамъ далеко позднѣе зарождались и появлялись новые толки. Впервые оказался въ Тамбовской губерніи новый толкъ, вовсе не похожій на старообрядство: это расколъ духоборства. Изъ духоборцевъ образовались малакане, а изъ этихъ вышли новые толки: за Волгой въ стеняхъ самарскихъ и саратовскихъ, на рѣкѣ Молочной (въ Таврической губерніи) и за Кавказомъ.

Но всѣ эти разномыслія въ дѣлахъ вѣры, всѣ эти толки не колеблютъ единства русскаго православія Христово ученіе пособило европейскимъ народамъ стать выше всѣхъ другихъ народовъ на землѣ. Христіанство пособило и нашему народу стать выше всѣхъ племенъ инородческихъ, указало намъ путь къ ихъ спасенію отъ мрака невѣжества и къ собственному совершенствованію, къ улучшенію своей богатой, русской, природы.

—

Вѣра православная почитается господствующею въ Россіи. Императоръ русскій — по коренным государственнымъ законамъ — не можетъ быть иной вѣры, кромѣ православной. Онъ есть верховный защитникъ и хранитель ея и блюститель православія. Но по кроткой вѣротерпимости, всѣ подданные русскаго

государя неправославной вѣры и всѣ иностранцы другихъ вѣръ, пользуются всегда и вездѣ правомъ исповѣдывать свою вѣру по ея законамъ и отправлять богослуженіе по ея обрядамъ.

Православную вѣру исповѣдуютъ, кромѣ русскаго народа во всѣхъ его видахъ, еще Греки и Грузины; армяно-грегоріанскую — Армяне; римско-католическую — Поляки и немногіе другіе; армяно-католическую — Армяне; лютеранскую и реформатскую — Финляндцы и Нѣмцы въ губерніяхъ: Эстляндской, Лифляндской, Курляндской и колонисты, а также и Чухны. Таковы всѣ исповѣданія христіанской вѣры, имѣющія своихъ послѣдователей въ предѣлахъ Россійской имперіи.

—

Такъ какъ господствующій народъ на Русской Землѣ — Великороссы, то и языкъ великороссійскій почитается главнымъ и первымъ. Онъ употребляется въ судахъ и дѣловыхъ бумагахъ; на немъ пишутся законы для всѣхъ; на немъ преподается ученіе въ школахъ. Языкъ великороссійскій усовершенствовался такъ, что съ нимъ наше отечество смѣло и увѣренно идетъ къ улучшенію и до той цѣли, чтобы сравняться съ европейскими народами: Французами, Нѣмцами и Англичанами, которые опередили и ушли дальше насъ въ знаніяхъ, торговлѣ, промышленности и прочемъ. Обо всѣхъ улучшеніяхъ, нововведеніяхъ, обо всемъ, до чего доходятъ образованные европейцы, нашъ языкъ легко и свободно передаетъ въ книгахъ. Прилагая изъ книгъ то, что пригодно и примѣнимо къ жизни, заполучаютъ великія выгоды

для себя тѣ люди, которые умѣютъ и въ мертвыхъ буквахъ слышать живыя слова. Великъ секретъ только въ этомъ. Наукой — говоритъ иословица — свѣтъ стоитъ, ученьемъ люди живутъ. Съ наукой весь свѣтъ пройдешь и иазадъ вериешься. Безъ ученья люди иедаромъ называются темными; живутъ они ощупью и дальше своего носа ие видятъ. Мы заглядывали къ нашимъ сосѣдямъ ио избамъ — и видѣли, что и сѣверные дикари живутъ какъ звѣри, и стеиные ие далеко ушли отъ нихъ. Прочеиъ только тотъ народъ, который умѣетъ все сдѣлать разумно, какъ дѣлается у лучшихъ людей, чему больше и крѣпче всего пособляетъ ученье. Самые образованные народы иа свѣтѣ, Аигличане и Нѣмцы, съ иаукой и въ самомъ дѣлѣ иерешли черезъ моря и тамъ, гдѣ люди считали людское мясо за говядииу и ѣли другъ друга, иосѣяли оии сѣмя вѣры Христовой, водворили и грамоту, и иауку: люди уже ие пожираютъ самихъ себя. И тамъ стали разумѣть заповѣдь Христову: «любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, иотому что вы всѣ между собою братья и дѣти одного Отца».

Давно разумѣніе этой заиовѣди далось иамъ, когда наши предки оставили идолопоклонство и просвѣтились свѣтомъ христіаискаго ученія. Недавио эта заиовѣдь объяснилась во-очію, когда Русскій Моиархъ снялъ съ своего народа послѣднее рабство и пазвалъ его свободнымъ, чтобы шелъ иашъ иародъ къ понятію о себѣ, какъ о человѣкѣ.

Свобода наша обязываетъ насъ идти къ просвѣщенію себя сначала грамотой, а потомъ и наукой, чтобы ни въ чемъ не походить на тѣхъ дикарей,

которые сидятъ у насъ подъ бокомъ и сидятъ недвижимо, и чтобы во всемъ подобиться тѣмъ народамъ, которые образованнѣе насъ и сидятъ съ нами обокъ, по другую сторону. Намъ надо стремиться походить на этихъ, чтобы вмѣстѣ и объ руку съ ними идти къ исполненію закона Христова, который повелѣлъ быть всѣмъ людямъ братьями, дѣлать все въ одну мысль и за единый духъ.

Когда народы стали входить во взаимныя между собою сношенія, когда начали охотно обмѣниваться всѣмъ, что добывали умомъ и руками, — они стали образовываться, стали походить другъ на друга, казаться родными братьями. Нравы, обычаи, стремленія, съ каждымъ днемъ становятся все болѣе и болѣе похожими. Все, что полезно одному, дѣлается предметомъ общаго вниманія и общихъ заботъ. Науки и искуства цвѣтутъ въ христіанской Европѣ; природа открыла ей свои тайны, не пугаетъ ими и не останавливаетъ передъ собою въ ужасѣ, но ведетъ впередъ, какъ покорный рабъ и слуга. Громадныя моря уже утратили свой ужасъ. Съ помощію пара, морякъ идетъ противъ вѣтровъ и волнъ, и съ самой безошибочной точностью достигаетъ цѣли путешествія своего. Разстояній самыхъ дальнихъ уже не существуетъ: желѣзныя дороги и паръ уничтожили ихъ. Та сила, которая родитъ громъ и молніи, и повергаетъ въ отчаяніе и страхъ дикарей, у образованныхъ народовъ, на телеграфахъ, съ быстротой самой мысли, передаетъ слова и желанія человѣка.

Но всѣ эти драгоцѣнные дары образованія пока еще принадлежатъ немногимъ народамъ. Любовь

Христа всемірна, повелѣнія о любви этой обязательны для всѣхъ людей: остается людямъ желать и стремиться распространить образованіе повсюду, Русскому народу принять его, какъ заповѣдь Самаго Господа, которому вѣруемъ, поклоняемся и служимъ. Мы способны на это великое дѣло; успѣли сдѣлать кое-что, но не достигли еще многаго. Христіанство связываетъ насъ съ просвѣщенными народами: огромный шагъ впередъ нами сдѣланъ. Намъ легко входить въ сношенія и начать обмѣнъ: мы и начали. Препятствій со стороны природы нѣтъ; она даже охотнѣе и легче чѣмъ гдѣ-нибудь пособляетъ намъ. Но мы сами еще далеко не похожи другъ на друга, и сами, живя по сосѣдству, живемъ все еще далеко.

У насъ мало дорогъ: мы еще ѣздимъ на тяжелыхъ волахъ и на долгихъ. Худыя, непролазныя дороги очень затрудняютъ сообщенія и производятъ то, что во многихъ мѣстностяхъ у насъ живутъ люди дикарями, свѣта не видя, о грамотѣ и наукѣ не думая, какъ бы какіе Самоѣды, Лопари и Киргизы. И только тамъ, гдѣ устроилось движеніе, расшевелился народъ и стремится впередъ охотно и сильно. Желѣзныя дороги намъ не меньше нужны, и пособятъ и дешевой жизни, и дешевой пищѣ и всяческому обмѣну, и всяческому благу, которое мы должны желать себѣ, и по закону Христову и ради своей народной пользы. Завалясь въ непроходимую глушь, мы затруднили себѣ пути и сообщенія для взаимныхъ сношеній. Въ глуши мы знаемъ только свое, и крѣпко вѣримъ старому или тому, что завѣща-

но отцами и дѣдами: все это имѣетъ въ себѣ много хорошаго, но оно отнюдь недолжно затруднять и задерживать наши шаги къ лучшему. Между тѣмъ несомнѣнно, что каждый шагъ впередъ на пути развитія, сопровождался постепеннымъ улучшеніемъ быта низшихъ слоевъ общества; и еще несомнѣннѣе то, что всегда, гдѣ являлась грамотность и наука, глухое мѣсто становилось виднымъ. Соединяясь съ другими видными и просвѣщенными,—оно начинало улучшаться и процвѣтать.

За настоящимъ, неизбѣжнымъ и обязательнымъ для всѣхъ и каждаго просвѣщеніемъ, стало у насъ дѣло. Грамота и наука нужна пуще всего нашимъ дѣтямъ, будущимъ русскимъ людямъ; улучшеніемъ дорогъ обыкновенныхъ и постройкой желѣзныхъ дорогъ, мы приведемъ ихъ къ той цѣли, которая указана Богомъ. То и другое скорѣе и вѣрнѣе всего искоренитъ существующее ио мѣстамъ неразуміе, дикость и невѣжество; улучшитъ наше хозяйство во всѣхъ его видахъ, размножитъ промыслы и такимъ образомъ обогатитъ страну. Отрѣжемъ у дерева старые гнилые сучья, привьемъ ему молодые иобѣги съ другаго, сочнаго и цвѣтущаго, дерева и иаше молодое дерево, сильное и гибкое, станетъ такимъ, какимъ ему надо быть. Только тогда мы будемъ въ правѣ законно владѣть тѣми дарами, которые такъ щедро и въ такомъ обиліи удѣлилъ намъ Богъ вмѣстѣ съ другими иародами и племенами.